

Франсуа де ла Мот ле Вэйе и его трактат «О воспитании монсеньора дофина»:

концепция «золотой середины»
и общественного блага

А. И. Любжин

Статья поступила
в редакцию
в июле 2021 г.

Любжин Алексей Игоревич — доктор филологических наук, директор Департамента истории Университета Дмитрия Пожарского; научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории (МАСКИ) Национального исследовательского университета «Московский физико-технический институт». Адрес: 141701, Московская область, г. Долгопрудный, Институтский пер., 9. E-mail: vultur@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается структура и содержание трактата Франсуа де ла Мота Ле Вэйе «О воспитании монсеньора дофина». Автор описывает четыре столпа государства — религию, правосудие, финансы и военную силу, анализирует, в какой мере будущему королю Франции следует знакомиться со свободными и механическими искусствами. Большую часть из них он не рекомендует для подробного изучения, делая исключение прежде всего для риторики. Он добавляет три важных предмета — географию, мораль и физику. В архитектуре, живописи и поэзии государю лучше быть квалифицированным ценителем, чем творцом. С достаточной подробностью Ле Вэйе описывает нужные для дофина физические занятия (рекомендуются плавание, танцы, владение оружием, не рекомендуется бег); рассматриваются игры и способы развлечения. Значительная часть отведена доказательству вредности астрологии, химии и магии. Основные принципы, на которые опирается Ле Вэйе, — «золотая середина» и использование в качестве основы общего образования, элементы которого анализируются по отдельности на предмет пригодности для воспитания дофина.

Ключевые слова

воспитание наследника престола, свободные искусства, механические искусства, Ле Вэйе, Людовик XIV.

Для цитирования

Любжин А. И. (2021) Франсуа де ла Мот ле Вэйе и его трактат «О воспитании монсеньора дофина»: концепция «золотой середины» и общественного блага // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 4. С. 311–332. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-4-311-332>

François de La Mothe Le Vayer and His *De l'instruction de Monsieur le Dauphin*: The Concepts of the Golden Mean and Public Good

A. I. Lyubzhin

Alexey I. Lyubzhin, Doctor of Sciences in Philology, Head of the Department of History, Dmitry Pozharsky University; Research Fellow, Laboratory for Interdisciplinary Analysis of Society, Culture and History (IASCH), National Research University Moscow Institute of Physics and Technology. Address: 9 Institutsky Ln, 141701 Dolgoprudny, Moscow Oblast, Russian Federation. E-mail: vultur@mail.ru

Abstract This article investigates into the structure and content of *De l'instruction de Monsieur le Dauphin* by François de La Mothe Le Vayer. Le Vayer describes the four pillars of the state — religion, justice, finance, and military power — speculating on how thoroughly a hereditary prince of France should study liberal and mechanical arts. He does not recommend the majority of subjects for detailed study, making an exception for rhetoric in the first place and adding three more important subjects: geography, ethics, and physics. In fine arts, according to Le Vayer, the king had better be an experienced connoisseur than a creator. He also describes pretty much in detail the physical activities useful for a king in waiting (swimming, dance, and armed martial arts are recommended, while running is not), as well as possible games and ways of entertainment. A large proportion of the treatise is devoted to proving the harmfulness of astrology, chemistry, and magic. The key principles underlying Le Vayer's speculations are the "golden mean" and the use of general education as a basis, the elements of which he analyzes separately for applicability in the instruction of a hereditary prince.

Keywords instruction of the Crown Prince, Le Vayer, liberal arts, Louis XIV, mechanical arts.

For citing Lyubzhin A.I. (2021) Fransua de la Mot le Veye i yego traktat "O vospitanii monsenyora dofina": kontseptsiya "zolotoy serediny" i obshchestvennogo blaga [François de La Mothe Le Vayer and His *De l'instruction de Monsieur le Dauphin*: The Concepts of the Golden Mean and Public Good]. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 4, pp. 311–332. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-4-311-332>

Современная эпоха сделала своей целью равенство образовательных возможностей. Но, несмотря на эту тенденцию, научное и общественное внимание привлекают и элитные формы воспитания¹, причем в обеих своих ветвях — элиты управления (условно «аристократическое» воспитание знати и наследника престола) и интеллектуальной элиты (условно «духовное»). При рассмотрении одного из выдающихся памятников в этой области нас будут интересовать как теории и концепции, так и — что может быть еще плодотворнее — способ мышления, поскольку именно он в состоянии обернуться новыми и неожиданными гранями и существенно расширить наш педагогический

¹ Сравнительно недавний пример: [Ржеуцкий, Федюкин, Берелович, 2018].

кругозор. Мы предпримем попытку вычленив педагогические принципы, которыми руководствовался автор. При этом нужно учитывать, что воспитательная мысль авторов той эпохи — как и XVI в., а во многом и XVIII в. — работает в двойном контексте: античном и современном, при этом античный не менее важен, и каждый из этих контекстов может и должен быть воспринят и более узко, в чисто наставническом аспекте, и шире, с использованием всего культурного фона (для Античности это трудоемкая задача, для Нового времени — почти неисполнимая).

Ле Вэйе — философ и педагог

XVII век², к которому мы намерены обратиться в данной статье, имеет ключевое значение, поскольку именно его великие представители — Блез Паскаль, Рене Декарт, Пьер Ферма, Исаак Ньютон, Готфрид Вильгельм Лейбниц — во многом определили тот мир, в котором мы живем. Предметом нашего исследования будет трактат³ их современника Франсуа де ла Мота

² Один из биографов нашего героя пишет: «XVII век видел большие перемены в воспитании. Именно в это столетие педанство потихоньку исчезает. Упрямые университеты со своей верностью традициям еще служили ему убежищем; они принимали в своих школах детей буржуазии, и, поскольку педанство охотно путают со строгостью и с самими учебными сложностями, казалось, что труд предоставлен буржуа и простолюдинам, а высшие классы нации должны образовываться без таких усилий и хлопот. Итак, реформа началась с воспитания короля и знати, и она пробилась себе путь будь то в домах государей, будь то в коллегиях иезуитов, которые одни обладали привилегией воспитывать сиятельную знать. На самом деле педанство скорее сменило одежду, чем исчезло. Блеск и цветы дурного вкуса заменили нечто готическое и варварское» [Étienne, 1849. P. 212–213].

³ Первое издание: [Le Vayer, 1640]. Затем трактат издавался в первом томе подготовленного сыном (тоже Франсуа) собрания сочинений; оно выходило в свет неоднократно, мы пользовались третьим изданием: [Le Vayer, 1662]. Именно на него мы будем опираться при цитировании. Последним самостоятельным изданием был первый том дрезденского собрания сочинений [Le Vayer, 1756], содержащий, в отличие от громадного тома, подготовленного Ле Вэйе-сыном, только этот трактат (туда включен и биографический очерк). Дрезденский издатель Мишель Грёлль, не слишком скупой на похвалы в адрес автора, утверждает, что его книги — исключительная редкость; там же см. обзор собрания сочинений, *Avertissement du libraire*, p. 15–20. Очень рано появился итальянский перевод: [Le Vayer, 1647]. Отметим характерную модификацию заголовка: речь идет уже о воспитании не монсеньора дофина, а государей. Полезную библиографию оригинальных работ (без переизданий) см.: [Georges, 2018]. Библиография с учетом переизданий и публикаций в составе собрания сочинений (не всех, но основных; на португальском языке): [Loque, 2011]. Ф. Ф. Локе отмечает, что некоторые комментаторы придерживаются для рождения другой датировки — 1583 г. [Loque, 2011. P. 174, со ссылками].

Ле Вэе (1588–1672)⁴. Для некоторых из них он был не только современником, но и коллегой: Паскаль, Декарт и Лейбниц претендовали не только на математические и естественнонаучные, но и на философские лавры, а Ле Вэе был видным философско-скептиком. Он входил — наряду с Габриэлем Ноде, Пьером Гассенди и Эли Диодати — в «четверку», представлявшую ученое вольнодумство (*libertinage érudit*) в тогдашней Франции. Примером его интеллектуальной отваги в рассматриваемом трактате может служить высокая оценка императора Юлиана, которому «одно только обвинение в отступничестве мешает быть первым среди цезарей» [Le Vayer, 1662. P. 54]. Он, разумеется, никакой не ученый, скорее, эрудит энциклопедического толка, как Плиний Старший, который был одним из его любимых авторов⁵; тем не менее он представляет собой тип видного интеллектуала эпохи с весьма сложно структурированным мышлением: от прецедентного (царь Давид занимался священной поэзией, и потому нет ничего постыдного и современному государю, если он разбирается в стихах) до сложных философских соображений (общие причины не могут иметь частных следствий, и потому астрология не имеет права на существование).

Нельзя сказать, что Ле Вэе — забытый автор; хотя Эрнест Тиссран и опубликовал два его философских диалога в серии «Собрание неизвестных шедевров» (*Collection des Chefs-d'œuvre méconnus*)⁶, ему уделяется много внимания. Однако же львиная

⁴ В отечественной Википедии, как и в послужившем ей в данном случае основой словаре Брокгауза — Эфрона, он фигурирует как Ле Вайе (https://ru.wikipedia.org/wiki/Ла_Мот_Ле_Вайе,_Франсуа_де). Сведения, которые сообщаются в этой статье и ее источнике, а именно, что Ле Вэе был наставником будущего Людовика XIV, не вполне соответствуют действительности.

⁵ Ср. [Dreux du Radier, 1755]; без пагинации, под колонтитулом M.DC.LXXI. ou M.DC.LXXII: «Его книги, которые он начал издавать в свет лишь с пятидесятилетнего возраста, но тогда уже в большом количестве, все заслужили уважение, а многие были напечатаны неоднократно еще при жизни автора. У него была репутация не только первоклассного ученого, на которого одни смотрели как на нашего Плутарха, другие — как на нашего Варрона; но у него была еще репутация философа и мудреца». «У всех его писаний есть подлинная заслуга; о них можно говорить, как говорят о книгах одного древнего автора, что никогда не раскрываешь их без того, чтобы стать более ученым. Пренебрежение к ним прекратится, когда вкус к легкомыслию уступит вкусу к подлинной эрудации». О любви к Плинию свидетельствует множество цитат из «Естественной истории» в рассматриваемом трактате. Вообще же из представителей античной философии (ссылок на греческих и римских авторов в трактате несколько сотен) наиболее авторитетен для Ле Вэе Аристотель (не только трактаты по этике и политике, но и естественнонаучные сочинения).

⁶ [Tisserand, 1922]. Там же см. превосходную библиографию. Отметим его характеристику: «Жизнь де ла Мота Ле Вэе... совершенно едина и про-

доля исследовательского интереса достается философу-скептику и почти ничего — педагогу, а педагог часто оценивается свысока⁷. Возможно, это связано с тем, что труд Ле Вэе — педагогический трактат совершенно не в современном вкусе, побуждающем не видеть леса за деревьями, важной педагогической рефлексии — за соображениями актуальной политики⁸. В недавнем общем обзоре, посвященном французской педагогике XVI–XVIII вв., в соответствующем разделе Ле Вэе вообще не упоминается [Chartier, Compère, Julia, 1976]⁹. Настоящая статья предназначена для того, чтобы отчасти выправить крен (мы сосредоточимся исключительно на этом трактате и во всем, что выходит за рамки его содержания, ограничимся минимально

ста. Можно было бы изложить ее ход одним только перечислением его должностей и произведений». Р. 21.

⁷ Ж. Лакур-Гэйе в книге, посвященной политическому воспитанию Людовика XIV, дает обзор литературы, вышедшей в видах его образования. По его оценке нашего автора можно судить о том, как изменились вкусы и насколько — воспользуемся словами Дрё дю Радье — легкомыслие обрело перевес над подлинной эрудицией. Лакур-Гэйе упрекает рассматриваемый труд в том, что тот слишком велик, и добавляет: «В этих различных трактатах прежде всего поражает крайняя сухость». «Какова бы ни была собственная ценность этих произведений, для которых основными авторитетами остаются Аристотель и схоластика, без возможности увидеть, даже и в „Физике“, влияния современных идей, слишком очевидно, что в них нет жизни и что их чтение утомительно. Как далеки они от учебников, которые попадают в руки наших последних школьников!» [Lacour-Gayet, 1923. Р. 52–53]. Автор усматривает возможное оправдание в том, что это лишь канва уроков (мы сказали бы «конспекты»). Непонятно, относится ли суждение ко всему педагогическому творчеству Ле Вэе или же только к изложению отдельных предметов. В самом общем виде оно, впрочем, несомненно должно распространяться и на рассматриваемый труд. «Ни в одно время не вышло в свет больше книг о воспитании государей, нежели в XVII в.», — констатирует Л. Лакруа [Lacroix, 1890. Р. 1]. На ту же тему см. четвертую главу диссертации Л. Лакруа: [Ibid. Р. 26–40]. Его вывод: «Вот книги, которые написаны для воспитания Людовика XIV. Произведение Ле Вэе превосходит прочие и обширностью материала, и обилием вещей, и высшей образованностью; но оно далеко не привлекает нас новизной и пользой. Мариана, как мы видели, выказал больше искусства в преподавании наук; Эроар и Воклен привлекательнее простотой изложения; Ардуэн красноречивее отвращает воспитанника от удовольствий; Годо, наконец, отличается большим авторитетом и свободой в изложении политических дел. Но насколько все они уступают Боссюэ!».

⁸ Например, «Книга, далекая от того, чтобы стать педагогическим инструментом, имеет целью убедить читателя в авторском владении классической культурой <...> Но это не только реклама кандидатуры автора, а еще и пропагандистский труд, представляющий государство Ришелье» [Förköli, 2012. Р. 41].

⁹ Ch. VI. Les stratégies éducatives au XVIIe et XVIIIe siècles. Р. 175–206.

необходимыми замечаниями)¹⁰. Также мы не будем здесь останавливаться на конкретных программах отдельных предметов¹¹.

Франсуа Ле Вэйе, долгожитель, начавший публиковать свои труды уже в зрелом возрасте¹², получивший высшее юридическое образование в Пуатье, входил в окружение кардинала Ришелье, который высоко ценил его литературные и полемические дарования. Первый министр предполагал сделать его воспитателем наследника престола; в высшей степени вероятно, что именно он был вдохновителем посвященного его имени трактата¹³. Последний означал притязание на должность воспитателя наследника престола. Видные интеллектуалы эпохи — Жан-Луи Гез де Бальзак, Габриэль Ноде, позднее Пьер Бейль — высоко оценили произведение [Kerviler, 1879. P. 75]. (Разумеется, в нем было много такого, что отвечало заказу эпохи и политическим видам кардинала-покровителя; это, однако, не отрицает и универсального значения выдвигаемых тезисов.) Он был в 1639 г. избран членом Французской академии (13-е кресло).

Но в декабре 1642 г. великий кардинал умер. Недолго оставалось жить и Людовику XIII. В новых обстоятельствах звезда Ле Вэйе на время закатилась. Габриэль Ноде писал: «Я всегда был убежден, что одна из наисложнейших вещей при дворе — выбор людей. Но я вполне испытал это, когда речь зашла о на-

¹⁰ Подробные биографические очерки: [Étienne, 1849; Kerviler, 1879].

¹¹ Трактаты *La géographie du Prince, La rhétorique du Prince, La morale du Prince, L'économique du Prince, La politique du Prince, La logique du Prince, La physique du Prince* собраны в [Le Vayer, 1662]. На итальянском языке они получили общее заглавие: *Scuola de' principi, e de' cavalieri, cioè la geografia, la rettorica, la morale, l'economica, la politica, la logica, e la fisica; cauate, e tradotte nella nostra lingua dall'opere francesi del sig. della Motta Le Vayer, che le hà distese per instruzione di Luigi 14. re' di Francia, dall'abbate Scipione Alerani... In Bologna: per Giacomo Monti, 1676* (неоднократно переиздавалась) и вслед за итальянским — на испанском языке: *Escuela de principes y cavaleros, esto es la geografia, retorica, la moral, economica, politica, logica, y fisica; compuesta por el señor de la Mota Levayer Frances. Sacada en toscano, por el abbad Escipion Alerano Bolones, y nuevamente traducida en lengua española, y añadida de algunas cosas sucedidas despues, que el autor le escribió por el p. f. Alonso Manrique de predicadores. En Palermo: por Thomas Romolo: impr. Vanni V. G.: impr. Scoma F. P., 1688*. К этим трактатам примыкает исторический: *Introduction chronologique à l'histoire de France pour Monsieur. Par de La Mothe-Levayer. Paris: Jolly, 1670*.

¹² В 1630 г.: *Quatre dialogues faits à l'imitation des anciens, par Orasius Tubero*, Paris, s. e., с ложными выходными данными: *A Francfort, par Jean Sarius, 1506*. [Georges, 2018. P. 1]. Так же (т. е. 1630 г.) датирует и Ф. Локе [Loque, 2011. P. 170]. Выходные данные *de visu* — 1604 г.: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8601521r/f9.item>

¹³ [Kerviler, 1879. P. 69]. Автор задается вопросом, каков был бы эффект, если бы Ле Вэйе действительно занимался воспитанием будущего короля — с раннего времени и долго, а не на тот краткий период, когда это имело место [Le Vayer, 1662. P. 71].

ставнике для короля. Намерение королевы и ее министров заключалось в том, чтобы вверить эту должность одному из самых дельных, ценимых и уважаемых лиц во Франции, и в первую очередь бросили взгляд на г. де ла Мота Ле Вэйе как на того, кого прочил на эту должность кардинал Ришелье, как по причине прекрасной книги, написанной им о воспитании монсеньора дофина, так и принимая в расчет его репутацию, которую он стяжал большим количеством других сочинений на французском языке, — что он французский Плутарх. Но, коль скоро королева приняла решение не вверить этой должности женатому, пришлось думать о другом» [Ibid. P. 95]¹⁴. Эта позиция ограничивала выбор клиром; воспитателем стал Ардуэн де Перефикс де Бомон (1606–1671), который также написал небольшой воспитательный трактат на латинском языке, адресованный непосредственно дофину¹⁵, и назидательную книгу о Генрихе IV¹⁶. Не был оставлен вниманием и Ле Вэйе: в 1649 г., когда младший брат короля герцог Анжуйский¹⁷ достиг девятилетнего возраста, ему было вверено воспитание принца¹⁸. Поскольку де Бомон имел много обязанностей и канонические предпочитал педагогическим, Ле Вэйе естественным образом стал его по-

¹⁴ Подробно о других кандидатах см.: [Étienne, 1849. P. 188 сл.]. Он же (P. 194) утверждает, что шансы Ле Вэйе в сложившейся ситуации были невелики.

¹⁵ Péréfixe, Hardouin de Beaumont de. *Institutio principis ad Ludovicum XIV. Franciae et Navarrae regem Christianissimum. Authore Harduino de Perefixe de Beaumont, abbate de Sablonceau, doctore ac socio Sorbonico, nec non ejusdem Christianissimi Regis praeseptore. Parisiis, Excudebat Antonius Vitre, Regis, Reginae regentis, & cleri Gallicani typographus. MDCXLVII. Cum privilegio Regis.* Посвященный почти исключительно вопросам морали, в содержательном отношении он весьма уступает книге Ле Вэйе. Впрочем, это вполне может быть объяснено и характером адресата. Л. Лакруа упрекает Ле Вэйе в противоположном: «Редко Ле Вэйе сообщает наставления об образовании нравов государя — и достаточно неопределенные» [Lacroix 1890. P. 18]. Позицию Ле Вэйе об удовольствиях (допускающую их умеренно) он расценивает как достойную скорее ученика Эпикура, нежели христианского философа [Ibid. P. 19].

¹⁶ Péréfixe, Hardouin de Beaumont de. *Histoire du roy Henry le Grand. Composée par messire Hardouin de Perefixe evesque de Rodez, cy-devant precepteur du Roy.* A Paris: De l'imprimerie d'Edme Martin, rue Saint Jacques, au Soleil d'or. M. DC. LXI. Многократно переиздавалась. В силу своего воспитательного значения была переведена и на русский язык: История короля Генриха Великого, сочиненная Гардуеном де Перефиксом, епископом Родецким, бывшим учителем короля Людовика XIV; переведена с французского князем Дмитрием Цициановым и Андреем Ниловым. Тамбов: Вольная тип., 1789–1790.

¹⁷ Филипп I, герцог Орлеанский (1640–1701). С рождения имел титул герцога Анжуйского; после смерти дяди, Гастона Орлеанского (1660 г.), получил титул герцога Орлеанского.

¹⁸ [Kerviler, 1879. P. 95]. Кервиле оспаривает датировку Этьенна (1647 г., в семилетнем возрасте). Аргументация: P. 130 (глава, посвященная этому сюжету: P. 130–146).

мощником и заместителем (с 1652 г.). Официальных актов о его назначении не сохранилось [Kerviler, 1879. P. 147]. Вероятное окончание миссии с королем — 1656 г. [Ibid. P. 153]. Результаты воспитания Филиппа Орлеанского исследователь оценивает скромно: если тот «и делал честь учителю своим умом, то весьма незначительную — своим поведением» [Ibid. P. 158]. Впрочем, «не было ничего менее сходного с придворным, нежели Ле Вэ́йе» [Étienne, 1849. P. 12]. Брак его ученика и Генриетты Английской (1661 г.) поставил точку в его воспитательной миссии. Жизнь отставного воспитателя омрачила смерть сына Франсуа, издателя его сочинений (1664 г.). Творчество его затрагивает многие вопросы: историографию — «Суждение о древних и основных греческих и римских историках» (1646 г.), «Наука истории с суждением о главных историках, как древних, так и современных» (1665 г.), французский язык и его литературное употребление — «Соображения по поводу красноречия нашего времени» (1637 г.), «Новые замечания о французском языке» (1647 г.).

**Трактат
«О воспитании
монсеньора
дофина»**

Трактат «О воспитании монсеньора дофина» представляет собой пересечение нескольких жанровых линий: с одной стороны, это книга в духе античных энциклопедий, таких как плиниевская «Естественная история», с другой — продолжение традиции трудов о воспитании, которых к тому времени было написано уже немало: в них рассматривается как воспитание знати (среди авторитетных отметим «О наставлении всей жизни человека, рожденного знатным и в свободном городе» Алессандро Пикколомини, 1542 г.), так и владык (отметим «Воспитание христианского государя» Эразма Роттердамского, 1516 г., и сравнительно свежий труд «О царе и воспитании царя» Хуана де Марианы¹⁹, 1599 г.). Эта комбинация обеспечивает Ле Вэ́йе самостоятельность как способа изложения, так и позиции.

Остановимся на способе изложения, тем более что он хорошо отражает способ мысли. Для Ле Вэ́йе очень важны прецеденты — в значительно большей степени, чем чужие соображения. Он приводит, опираясь на богатую сокровищницу своей памяти, примеры *pro* и *contra*. Недаром самый цитируемый античный историк и самый цитируемый автор в трактате вообще — Светоний, поставщик сведений о римских императорах, но никоим образом не педагогический авторитет и не аналитик. Возьмем для примера поэзию [Le Vayer, 1662. P. 87 слл]. Царь Давид, как мы уже отметили, был поэтом, Писистрат (со знаком

¹⁹ Это единственный предшественник, кого Ле Вэ́йе называет по имени [Le Vayer, 1662. P. 6].

плюс) покровительствовал поэзии и содействовал записи Гомера; у Дионисия Сиракузского (амбивалентно) было суетное желание скорее слыть хорошим поэтом, нежели хорошим государем. Есть и римские примеры: Сципион, которого считали автором комедий Теренция, Юлий Цезарь (неодобрительно, поскольку у него не было таланта). Дальше идут Август, Германик, Тит. Потом — Домициан (это уже дурной император). Грациан был прекрасным поэтом и отменным лучником. Был поэтом — обращаясь к отечественной почве — и король Хильперик, церковь использует в службах стихи короля Роберта. Мариана приводит примеры и из испанской истории. Нет в поэзии стыда для венценосца. Это одна сторона. Вторую вводит отсылка к античному (прежде всего платоновскому) представлению о поэзии как о мании. В Афинах Гомера и Тиртея обвиняли в безумии, а цитата из Ювенала напоминает, как ненавидели поэзию в Риме из-за Нерона. Марк Аврелий похвально воздерживался от стихотворства. Один из ярких и подробно рассмотренных примеров — византийский император Михаил Парапинак, ради стихов забывший о своих обязанностях. Этот уравновешенный подбор примеров чудесно гармонирует с концепцией «золотой середины», и мышление на основе прецедента приводит к тому же выводу, что и изощренная перипатетическая философия: «Полагаю, что можно примирить этот раздор, соглашаясь, с одной стороны, что не дело властителя — столь сильно пристращаться к парнасским лаврам, чтобы презирать растущие на марсовом поле <...> Но если в числе монархов окажется тот, кому природа дала поэтическую жилку <...> нет никаких причин запрещать им столь почтенное развлечение и досуг, который не презирали святейшие государи и величайшие potentаты земли» (Р. 89).

Охарактеризуем вкратце круг и способ чтения Ле Вэйе. Его книга по обычаю эпохи снабжена примечаниями на полях; лишь для Светония они даются с точностью до главы, для прочих — с точностью до книги, а иногда наш автор ограничивается указанием на произведение как таковое²⁰. Бросается в глаза предпочтение прозаиков поэтам: цитаты из последних встречаются sporadически (упоминаются и цитируются Гомер, Гесиод, Еврипид, Вергилий, Лукан, Ювенал). Если мы проведем разделение на античную и новейшую литературу, мы обнаружим, что характер ссылок неодинаков: в первом случае отражается весь круг чтения, источники и фактов, и мыслей, во втором — только источники фактов. Кроме Светония, цитируются Геродот, Фуки-

²⁰ Например, [Le Vayer, 1662. Р. 95, в главе о плавании]: «*Xeno. in exp. Cyri.*». По-видимому, автору в этом случае изменила память: во всем «Анабасисе» нет упоминаемого им эпизода («Солдаты Кира погибли все, поскольку они этого не умели»).

дид, Ксенофонт, Полибий, Диодор Сицилийский, Дион Кассий, Арриан, Аппиан, Плутарх, грекоязычные писатели более позднего и византийского периода — Агафий Схоластик, Зонара; Тит Ливий, Тацит, *Historia Augusta*, корпус Аврелия Виктора, Аммиан Марцеллин. Из философов, помимо главенствующего Аристотеля, — Цицерон (он представлен в первую очередь именно так, а не как оратор), Платон, Флавий Филострат (кажется, наш автор его очень любил), Сенека Младший, Секст Эмпирик. Часто используются труды энциклопедического характера — «Естественная история» Плиния Старшего, «Дейнософисты» Афиней, «Аттические ночи» Авла Геллия, Диоген Лаэртский. Любопытство автора простирается вплоть до астрологической литературы (Фирмик Матерн). Из новейшей, естественно, доминируют французские авторы; из средневековых отметим Григория Турского, из недавних — Жака-Огюста де Ту. Сведения из испанской истории черпаются у того же Хуана де Марианы. Некоторые из источников весьма любопытны²¹. Наш автор не раз использовал многотомный географический компендиум Джованни Баттисты Рамузио *Delle Navigazioni et Viaggi*. Для астрологии довольно обильно используются оба Пико делла Мирандола — и дядя, Джованни, и племянник, Франческо. Кроме родного французского и почти родной латыни Ле Вэйе пользовался трудами на итальянском, испанском и португальском.

Однако есть область, в которую исследователю чрезвычайно трудно проникнуть. Приведем один пример. В критике астрологии Ле Вэйе использует яркий образ внутренних раздоров в астрологическом сообществе: «Армейские фурьеры не производят такой склоки, когда речь идет о назначении квартир для их знаков» [Le Vayer, 1662. P. 119]. Он позаимствован почти дословно из скромной забытой книги Антуана де Лавалея, затрагивающей, так сказать, профессиональную ориентацию благородного сословия в форме уроков²². Но, разумеется, никакой ссылки

²¹ Например, на той же с. 95 примечание «*Alex. ab Alex. l. 2. c. 21.*» вводит следующую книгу энциклопедического характера о праздничных днях: *Alexandri ab Alexandro Jurisperiti Neapolitani Genialium dierum libri sex... T. I. Lugduni Batavorum: Ex Officina Hackiana MDCLXXIII*. Там содержится эпизод о знаменитом *Cola pesce*, Кола-рыбе; этот эпизод, по-видимому, послужил прототипом для шиллеровского «Кубка».

²² *Laval Antoine de. Desseins de professions nobles et publiques, contenant plusieurs traités divers & rares: Avec l'Histoire de la maison de Bourbon jadis dediez au feu Roy Henry IV. et maintenant au Tres-Chrétien & Tres-Puisant Roy de France & de Navarre Louis XIII. Autrefois proposez an forme de Leçons Paternelles... Par Antoine de Laval, Geographe du Roy... A fon Fils. De nouveau reveu, corrigé & augmenté des Problèmes Politiques, avec une Table bien particulière pour tout le cors de l'œuvre. Dernière Edition. A Paris: En la Boutique de l'Angelier. Chez Claude Cramoisy, au premier pilier de la grand'Salle du Palais. M.DC.XXII. Avec Privilège du Roy (1613). F. 409 v.*

на столь удачную остроту у Ле Вэйе нет. Нам вряд ли стоит надеяться, что круг чтения в области современной литературы, повлиявший на трактат, будет восстановлен полностью: эта задача сложна для любого автора, а для французского энциклопедиста-долгожителя XVII в. практически неразрешима.

**Педагогические
принципы
Ле Вэйе**

Два педагогических принципа, нигде не сформулированные, пронизывают весь левэйеровский трактат. Первый из них заключается в том, что нет пропасти между воспитанием наследника престола и воспитанием обычного человека: первое представляет собой переработанный ради специфических целей вариант последнего, основано на нем, и о каждом из общеобразовательных элементов выносится отдельное суждение, в какой степени его следует усваивать дофину — некоторые механические искусства упоминаются только ради того, чтобы сказать, что они не нужны. Этот подход прямо вытекает из отношения французского правящего слоя к аристократическому воспитанию как к призванному содействовать общественному благу и быть образцом для всей нации²³. Однако во времена Ле Вэйе во французском контексте выступление предполагаемого воспитателя наследника престола с декларацией о своих педагогических принципах было новшеством: краткое наставление Никола Воклена дез Ивто, несостоявшегося воспитателя Людовика XIII, было опубликовано только в XIX в.²⁴ Второй педагогический принцип — античная «золотая середина», невозможность пожертвовать ни широтой ради глубины, ни глубиной ради широты; эту педагогическую позицию нельзя не считать весьма опасной, поскольку она предполагает на практике тончайшую

²³ На это обращает внимание Катерина Вольпийак-Оже, цитируя отрывок из привилегии к *Panegyrici veteres*: «Не желая упустить ничего, что могло бы споспешествовать доброму воспитанию нашего дражайшего и возлюбленного чада, дофина, и усматривая, что продвижение в изучении изящной словесности составляет его часть, Мы сочли: ничто не было бы полезнее на сей предмет, нежели облегчение в чтении и понимании древних авторов на латинском языке, благодаря средствам более подручным и удобным, нежели те, которыми пользовались до сих пор, и Мы еще более утвердились в этом намерении, что в то же время Мы поняли: публика получит от того большие преимущества. Так Мы обратили свой взор на некоторых ученых людей, как из нашего королевства, так и из чужих земель, чтобы они трудились над этими латинскими авторами, снабжая их примечаниями и объяснениями, которые позволили бы понимать их, не прибегая к иным комментариям». Привилегия датирована 1676 г. [Volpilhac-Augier, 1997. P. 205–206].

²⁴ Des Yveteaux Nicolas Vauquelin (1567–1649). *L'Institution du Prince // Les Œuvres poétiques de Vauquelin Des Yveteaux, réunies pour la première fois, annotées et publiées par Prosper Blanchemain*. Paris: 1854. P. 101–128.

балансировку, требующую незаурядного искусства; но трудность и опасность не значат ошибочность. Вообще отметим, что аристотелевский рационализм — одна из наиболее близких Ле Вэе областей античной философии.

**Четыре столпа
государства**

Перейдем к структуре трактата (Л. Лакруа жестоко порицал ее и в своем анализе совершенно от нее отошел: [Lacroix, 1890. P. 12]). Он разделен только на главы, а не на части, но при этом отчетливо распадается на блоки, о чем Ле Вэе сам пишет во вводном разделе «Намерение автора». Первый из них — четыре столпа государства: религия, правосудие, деньги и войско (к последнему разделу приложено небольшое рассуждение о погибшем на поле брани шведском короле Густаве-Адольфе. Там Ле Вэе позволяет себе несколько отступить от правила «золотой середины», мужество его восхищает больше, нежели разумная осторожность). Затем рассматриваются семь свободных искусств, после чего — семь механических²⁵. Дальше идут игры и развлечения. И наконец, заключительная часть — три искусства, от которых принцу следовало бы держаться подальше. Это астрология, химия и магия. Глава об астрологии — самая большая в книге; ее опровержению отведено больше тридцати страниц (по первому тому сочинений [Le Vayer, 1662]) из примерно ста пятидесяти. Очевидно, предполагаемый наставник придавал этому пункту особое значение.

Начнем с первого столпа, *религии*. Начало премудрости — страх Божий. Короли обязаны Богу более, нежели простые смертные, и на земле у них меньше оснований для страха, чем у прочих. Достоинство священника неразрывно связано с царским. Но речь идет не о том, что мы могли бы условно назвать «Законом Божиим», а о вещах вполне мирских: с папой надлежит жить в добром согласии, но «поскольку бывают времена, когда наши короли вынуждены противостоять притязаниям римского двора, он должен знать о независимости своей короны в мирских делах, о привилегиях, связанных с его священным лицом, как и о свободах, которые всегда поддерживались в галликанской церкви» [Ibid. P. 12]. Права галликанской церкви не чрезмерны; их должно рассматривать как изначальные, независимые, суще-

²⁵ Резюме Кервиле: «Королю не нужно много латыни, схоластической логики, геометрии, арифметики и астрономии, — но хорошая риторика, поскольку ему необходимо красноречие, достаточно пространное сведение о физике, географии и морали, а как способ времяпрепровождения — некоторый опыт в поэзии и живописи, чтобы научиться ценить отличившихся, которые могут прославить его царствование» [Kerviler, 1879. P. 73–74].

ствующие сами по себе» [Ibid. P. 13]. Благочестие короля должно иметь две стороны и быть «разумным и истинным». Ревность не по разуму дурна так же, как лицемерие. (О, если бы Людовик XIV усвоил этот урок!) «Хорошо скорее употреблять ученых, нежели палачей, для того, чтобы возвращать к вере отклонившихся от нее» [Ibid. P. 14]. Здесь мы видим с полной ясностью то, что слишком часто ускользает от упрощающего взгляда: нет противоречия между велениями политики конкретного момента и общими принципами.

Что касается второго столпа, *правосудия*, то «у него так много общего с религией, что многие люди рассматривают последнюю исключительно как акт правосудия, которым люди воздают Богу то, что должны Ему» [Ibid. P. 15]. Награда за добро обладает приоритетом перед наказанием. Ле Вэйе подчеркивает это и именно в таком порядке рассматривает их в трактате. Пожалование должно быть пропорциональным. Мы приведем здесь отрывок, демонстрирующий «прецедентную» и эрудиционную сторону авторского мышления. «Ведь нет никого, кто не считал бы, что султан Осман был весьма смешон, когда назначил бейлербеем, или вице-королем Кипра, одного из своих садовников, когда увидел, что тот вырастил превосходную капусту. Благодеяние столь неуместное и данное столь неразборчиво можно с гораздо большим правом назвать злодеянием. И каждый может видеть, как Сенека дурно отзывался об Александре²⁶, поскольку, когда кто-то отказался от одного его подарка, поскольку не думал, будто его заслужил, он возразил, что смотрит только на то, что он должен дать, а не на то, что другие должны получить. Эти слова, — говорит Сенека, — кажутся сначала щедрыми и достойными царя, но на самом деле они весьма наглые, поскольку нет сомнения, что никогда нельзя давать вещи, непропорциональные заслугам того, кто должен их принять» [Ibid. P. 17–18]. То, к чему должно стремиться, — «середина королевской щедрости». У лучших и достойнейших государей мира были фавориты; потому в самом факте их наличия нет ничего предосудительного.

Крайности вредны и в наказаниях: «Властители должны придерживаться среднего пути между порочными крайностями слишком большой снисходительности и слишком большой суровости» [Ibid. P. 20]. Ле Вэйе считает необходимым внушить дофину отвращение к жестокости. Полезно откладывать исполнение смертного приговора (у эрудита нет недостатка в прецедентах). Но «не менее того подданные обязаны уважать руководство, все намерения которого им непонятны; точно так же как мы восхищаемся руководством мира, его порядком, его пол-

²⁶ *Lib. 2. de benef. c. 16.* — Примеч. Ле Вэйе.

ными разума движениями, не постигая их. И когда появляется такая необходимость позаботиться об общественной безопасности, было бы жестокостью прибегать к мягкости во вред ей, и преступлением — не наказывать за ошибки, ведущие к разрушению гражданского общества» [Le Vayer, 1662. P. 23–24]. Пример испанского короля Филиппа II дает следующий урок: не должно проявлять суровость там, где затронута только личность монарха, но если речь идет о государственном интересе, подход должен быть противоположным.

Следующий пункт — об абсолютизме. Ле Вэе ссылается на традицию французских королей, и здесь избравших средний путь²⁷: «Можно во мнении придерживаться середины <...> и сказать, что, при том что властитель обладает прерогативой быть выше указов, как тот, кого полагают их источником <...> тем не менее собственным побуждением он подчиняет свою волю следовать им с такой точностью, как никто другой, поскольку считает их справедливыми и считает славным для себя подчиниться разуму» [Ibid. P. 27]. Это подражание Богу: «Величайшие владыки должны <...> избавлять себя от подчинения законам собственных государств столь же редко, как Бог — от законов природы, используя прерогативы своей абсолютной власти, как Тот творит чудеса, то есть весьма редко и лишь по очень важным случаям». Рассуждение о правосудии — повод для восхваления французской монархии и отца короля, Людовика Справедливого.

Когда речь идет о *финансах*, Ле Вэе подчеркивает преимущество западного пути перед восточным, где жизнь и достояние подданных — неотъемлемая собственность их деспотических владык. Впрочем, в случае крайней нужды и справедливейшие государи имеют самые широкие права в этой области. Добрые государи «должны вести себя так, чтобы большая часть взимаемых с народа денег была похожа на пары, исходящие из земли, которые, сгустившись в облака, падают вниз и возвращаются в те места, откуда вышли. Коль скоро извлекаемые ими золото и серебро будут сберегаться в казне в слишком больших количествах, они вскоре доведут свое королевство до крайней бедности» [Ibid. P. 31]. Ле Вэе совсем не сторонник «плоской шкалы налогообложения»: каждая часть государства должна вносить свой вклад сообразно своим силам и возможностям. Не избегает Ле Вэе и декламаций против откупщиков. Но напрасно король стал бы препятствовать другим разорять свои финансы, если он делает это сам. Добрый государь ценит лишь те финансы, ко-

²⁷ Это весьма одобряет Л. Лакруа, подчеркивая, что Ле Вэе опередил время: [Lacroix, 1890. P. 14].

торые приобретаются честно и справедливо. «Золото всемогуще лишь для земных умов, каково оно само; его блеск ослепляет лишь подлый взор; и <...> сокровища, скопленные дурными средствами, весьма часто самим царям служат лишь для того, чтобы подготовить их крушение» [Ibid. P. 35].

Рассуждение о *вооруженной силе* начинается с сентенции Ганнибала, почерпнутой у Тита Ливия²⁸: «У великих тел есть надобность в значительных упражнениях, поскольку в них скапливается много выделений, которые удаляются таким образом; великие государства также подвержены опасным болезням, которые приходят изнутри, если не упражняться в оружии за пределами государства и если благотворный жар такой внешней войны не истребит дурные жидкости, откуда обычно зарождаются лихорадочные страсти гражданских войн». Автор знаком с античной точкой зрения, утверждающей, что войны — способ решить демографическую проблему перенаселения планеты. Но и в этой области надлежит господствовать идее среднего пути, и подтверждение — ссылка на Аристотеля: «Государства, которые были слишком воинственными, как спартанское и критское, имели тот недостаток, что не могли поддерживать себя во времена спокойные и мирные; и <...> римляне были весьма обязаны Нуме, который сумел приспособить их правительство и к той, и к другой эпохе — и к миру, и к войне»²⁹. Война — дело настолько серьезное по своим последствиям, что без тщательных размышлений предпринимать ее не стоит. Пример такой непредусмотрительности — влияние Аспазии на Перикла, которое из-за трех ничтожных куртизанок ввергло Грецию в жесточайшую войну. Ученый прецедент — император Август в интерпретации Светония: «Можно, однако же, воспользоваться основным правилом Августа³⁰, которое состояло в том, чтобы никогда не затевать войну, кроме как если станет понятно, что надеяться можно на большее, нежели опасаться потерять в этих обстоятельствах». Война, как утверждают Св. Августин и за ним Св. Фома, чтобы быть справедливой, должна быть необходимой, но бедствия и справедливой войны должны заставить отложить ее насколько возможно. Эти соображения, отметим на полях, несколько не нашли доступа к сердцу Людовика XIV. Целью войны должен быть прочный мир. Ле Вэйе, конечно, понимает, когда говорит о справедливости превентивных войн, уязвимость этой позиции именно в силу ее универсальности; но он допускает вмешательство актуальной политики в свои воспита-

²⁸ *Tite-Live dec. 3. l. 10* (т. е. XXX, 44, 8). — Примеч. Ле Вэйе с нашим уточнением.

²⁹ *2. Politic. c. 9* (с. 7, 23; 1271b) & *l. 7 c. 2.* (1324b) & *14* (с. 13, 8-10; 1333a-b). — Примеч. Ле Вэйе с нашим уточнением.

³⁰ *Sueton. cap. 25.* — Примеч. Ле Вэйе.

тельные соображения: «И если нужно сказать одно слово о той войне, которую мы в настоящий момент ведем против испанцев, кто сомневается, что <...> необходимость противостоять их намерениям образовать всемирную монархию сделали войну с нашей стороны оборонительной, хотя великодушные нашего короля было причиной того, что он первым послал к нашим врагам глашатая с объявлением войны» [Le Vayer, 1662. P. 39–40].

Второй важный вопрос — что монарху надлежит делать самому. Слишком много примеров (среди наиболее значимых — Александр и Пирр), доказывающих, что война — это *царское* дело. Разнузданность солдатни должна подавляться самым жестоким образом (как и отвага — вознаграждаться щедро). Не будем останавливаться на обсуждении тактики и стратегии; ограничимся одним вопросом — насколько допустимо и необходимо личное участие короля. Здесь Ле Вэйе, кажется, отступает от правила золотой середины: ему много более по сердцу монархи, обладающие личным мужеством (что он еще раз подчеркнет в приложении к этой главе, где выскажет благоговение перед памятью погибшего на поле брани шведского короля). На сей счет он прибавляет только, что никакие предосторожности в защите жизни и свободы монарха не будут излишними.

Науки и свободные искусства для короля

Перейдем к *наукам*. Ле Вэйе согласен, что взаимосвязь между ними велика и каждая нуждается в поддержке других. Но «на сей предмет есть два мнения, которые мне представляются в равной степени дурными, одно — требующее, чтобы король нимало не имел понятия об изящной словесности, и второе, требующее от него великой учености» [Ibid. P. 61]. Ле Вэйе излагает доводы в пользу или против того и другого мнения. Нерон был учен, Траян — малообразован. На сей раз Людовик XI приводится едва ли не в положительном контексте: «Он заявил, что не желает, чтоб его сын Карл знал по-латыни больше, нежели эти три-четыре слова: *qui nescit dissimulare, nescit regnare*³¹». Ле Вэйе вспоминает античных владык, изгонявших философов: Антиоха (по-видимому, VI), Лисимаха, Калигулу, Домициана. (По крайней мере у римской части этого списка весьма дурная репутация.) Но есть и прецеденты другого рода: вспоминаются литературные и научные занятия Цезаря. Интересно, что в число прецедентов попадают и московиты: «И весьма далеки от таких воззрений великие

³¹ Кто не умеет притворяться, не умеет править (лат.). — Юст Липсий считает правило необходимым для государя, на полях отмечая неопределенность авторства: «[Император] Фридрих или Сигизмунд. Есть разные мнения» — *Justi Lipsi Politicorum sive civilis doctrinae libri sex; Qui ad Principatum maxime spectant. Additæ Notæ auctiores... Omnia postremo Auctor recensuit. Amstelodami: Apud Guilielmum Blaeu. MDCXXXII. P. 185.*

князя Московии, которые не допускают³², чтобы кто-либо из их подданных знал больше, чем их государь» [Ibid. P. 63].

И здесь несостоявшийся наставник предпочитает средний путь. Но есть разница между тем, кто предназначен к престолу с детства, и тем, кто вступает на него в зрелом возрасте. Второму никакая наука не повредит, но для наставления дофина нужно всегда иметь в виду, что нельзя тратить время на усвоение той или иной дисциплины, если есть нечто более необходимое. Королевская душа не более вместительна, чем у обычных людей. Сам Цезарь, будь он предназначен к престолу с детства, не занимался бы грамматическими тонкостями. Монарху достаточно оказывать уважение выдающимся ученым. Это введение переходит непосредственно к *семи свободным искусствам*. «Мы не запретим государям ни изучение, ни знание изящных наук; но мы определенно скажем, что для них одни лучше и более приспособлены к их положению, нежели другие» [Ibid. P. 67].

Грамматика должна ограничиться умеренными познаниями в области латинского языка — здесь Ле Вэйе отвергает позицию Хуана де Марианы, который желал видеть государя хорошим латинистом. О *риторике* мнение иное: если у принца есть задатки, их нужно развивать в силу великой необходимости — он должен быть убедительным. Развивать же красноречие нужно общением с красноречивыми людьми, что тем проще, что с монархом всегда беседуют обдуманно. У королевской риторики, по мнению Ле Вэйе, есть два правила: лаконичность и правдивость. Ложь — рабский порок (при том что невинная ложь, разумеется, допускается). *Логика* нужна меньше — природной почти достаточно. «Я охотно отвел бы место среди добродетелей властителя презрению к практикуемым в коллегиях тонкостям и искусственной логике, которые могут быть хороши лишь для тех, кто сделал своей профессией их разработку» [Ibid. P. 70]. Арифметика «лучше подходит для торговца или математика, чем для короля». *Музыке* придавалось большое значение в Греции, и это еще и военная наука, но Аристотель в «Политике» отмечал, что никогда греки не выводили поющим Юпитера³³. Судьбу арифметики разделяет геометрия: «Я легко соглашусь с некоторыми философами, что мы не можем ничего измыслить более достойного для Бога, кроме занятий геометрией, — там, наверху.

³² По-видимому, имеется в виду реплика из трактата Антонио Поссевино *De Moscovia*: «Один Бог и Великий Господин (то есть Государь) это знает: Сам наш Великий Господин знает все: он одним словом может развязать все узлы и разрешить трудности» (*Historiae Ruthenicae Scriptores Exteri Saeculi XVI. Collegit et ad veterum editionum fidem edidit Adalbertus de Starczewski. V.I. Berolini et Petropoli: MDCCCXLI. P. 276*).

³³ *Lib. 8. c. 5 (7; 1339b)*. — Примеч. Ле Вэйе с нашим уточнением.

Но я буду отрицать, что она подобает тем, кто представляет для нас здесь, внизу, их всемогущество, и что король, все заботы которого должны быть о водительстве подвластных ему народов, должен иметь досуг для изыскания квадратуры круга» [Le Vayer, 1662. P. 72]. На это можно было бы возразить, что геометрия нужна не сама по себе, но для изощрения ума; но Аристотель приводит пример «геометра Гиппократ³⁴, который был сколь блистателен в своем искусстве, столь же и нагл и туп во всех прочих вещах, — это нам ясно показывает, что геометрия не утончает все разновидности ума». И «для властителя достаточно, если он играючи выучит то, что геометрия дает для фортификации и разбивки лагеря» [Ibid. P. 73]. Когда речь заходит об астрономии, вспоминаются предсказания, принесшие большую пользу (в том числе Колумбово затмение), вспоминается древность, для которой астрономия — царственная наука; но заниматься подсчетами для астрономических таблиц современному монарху не пристало. Таким образом, из семи свободных искусств серьезное значение отводится только риторике; в остальных случаях довольно самых поверхностных знаний — или никаких. Раздел дополняется переходными предметами — физикой³⁵, географией и моралью.

Эти предметы важнее, чем свободные искусства. «Поскольку нет в мире ни более прекрасной, ни более царственной книги, нежели кодекс природы, мне хотелось бы, чтобы ему были истолкованы его главы в пределах досягаемости <...> Знание географии необходимо ему как для того, чтобы знать, какая климатическая зона включает его владения <...> так и для того, чтобы обладать такими же сведениями о странах друзей и союзников, а также о странах врагов, чтобы определить на этом основании, на что он может надеяться и чего он должен опасаться во всех своих предприятиях. Что до морали, это важнейшая часть нашей философии; ее наставления — „Георгики“ нашей души; и любовь к добродетели, которую она нам внушает, — единственная связь, соединяющая с Богом людей всех состояний, истинный знак, отличающий их от прочих животных. В особенности же можно сказать о королях, что без нее они могут править лишь наполовину, если это только может быть названо словом „править“ — распоряжаться снаружи и пребывать в рабстве у себя внутри» [Ibid. P. 74–75]³⁶.

³⁴ 7. *Eudem. cap. 14* (4, 1247a). — Примеч. Ле Вэйе с нашим уточнением.

³⁵ Ф.-Ж. Салазар полагает, что физика — шарнир между свободными и механическими искусствами [Salazar, 1992. P. 178].

³⁶ Г. Компере отмечает отсутствие истории [Compauryé, 1904. P. 298]. Мы можем только разделить его недоумение, тем более что в действительности история преподавалась, и Ле Вэйе, как видел читатель, подготовил

Затем мы переходим к механическим искусствам. Царская рука способна сделать почетным любое ремесло. Первое — *сельское хозяйство*; в пользу сельской жизни можно сказать многое, и на этом поприще отличились многие владыки, но место монарха — в людских собраниях, а не в уединении. Иначе Ле Вэйе судит об *охоте*, в особенности с использованием хищных птиц. Это война в миниатюре. Но есть и возражения: от охоты «больше вреда уму, чем пользы телу» [Ibid. P. 79]. Она может чрезмерно увлечь властителя, и он забросит важные дела. И наконец, она опасна и часто гибельна. Однако — учитывая всю совокупность обстоятельств — вердикт Ле Вэйе в данном случае положительный. Третьим пунктом идет *война*, по существу, уже рассмотренная выше. Ле Вэйе прибавляет слова Генриха IV: «доблестные люди — обычно последние дают совет начать войну, хотя они первые, когда речь идет о том, чтобы ее вести» [Ibid. P. 80]. Что касается *архитектуры*, то, хотя Веспасиан и прилагал руку к восстановлению Капитолия, сама по себе она недостойна властителя, и его дело — покровительствовать великим архитекторам. Излишней роскоши в строениях не надо, но великолепные постройки — источник заработка для народа. *Хирургия* и *ткацкое дело* упоминаются лишь для того, чтобы сказать, что они не нужны (первая — совершенно, а вторая — почти без прецедентов из кладовых авторской эрудиции). *Искусство кормчего* тоже не нужно, но «все остальное, что касается мореплавания, последнего из семи искусств, не относящихся к числу свободных, не должно быть полностью отвергнуто в воспитании того, кто должен держать в своей руке кормило нашей монархии» [Ibid. P. 86].

Следом идут некоторые занятия, подобающие государям более, чем многие профессии. Сначала — *поэзия* (с ученым перечнем преуспевших в ней государей). Если у государя есть поэтическая жилка, нет причин препятствовать ее проявлению. Величие государя требует от него покровительства *живописи*. Ле Вэйе считает, что следует обучить государя судить о искусстве со знанием дела, но не следует дозволять ему самостоятельных занятий (при особых талантах это может служить развлечением и отдыхом). Из телесных упражнений рекомендуется *верховая езда* со всеми предосторожностями, *владение оружием* (в один

для этого пособие. Ф.-Ж. Салазар полагает, что «исключение истории <...> придает этому замыслу связность: история, в противоположность географии, не вытекает непосредственно из физики, она отфильтрована памятью и человеческими страстями, ненадежна, неустойчива» [Salazar, 1992. P. 179]. Л. Лакруа выражает по этому поводу крайнее недоумение и предполагает, что причина — отсутствие места для нее в выбранной структуре [Lacroix, 1890. P. 22].

прекрасный момент оно может оказаться спасительным), *танцы и плавание*. Хуже его отношение к *играм в мяч, в шары и бегу* (король — не баск и не ливрейный лакей)³⁷. Эти забавы и опасны, и могут привести к нежелательному возбуждению. «Игры в карты, в кости, в триктрак и в шахматы не заслуживают — кажется мне — рассмотрения, а по большей части они, представляется, и не заслуживают того, чтобы их знали те, чье высокое рождение не может допустить приверженности к столь низким предметам» [Le Vayer, 1662. P. 97]. Шахматы больше утомляют ум, чем развлекают. Но вообще развлечения должны присутствовать, и, — вполне по-современному пишет Ле Вэйе, — «можно установить и то правило, что нет ни более сладкой, ни более полезной учебы, чем та, которой предаются как будто бы без намерения учиться и которая смешана с неким родом отдыха» [Ibid. P. 101]. Науки, заслуживающие безусловного отвержения, — астрологию, химию (т. е. алхимию, поскольку в начале главы Ле Вэйе делает соответствующую оговорку, отделяя в этой области полезное от вредного) и магию мы рассматривать не будем. В заключении Ле Вэйе подчеркивает важность чтения (книги скажут королю то, что никто не осмелится произнести устно) и выражает пожелание, чтобы превосходство воспитания отличало короля не менее, чем внешние атрибуты его положения.

Л. Лакруа полагает, что педагогическое наставление Ле Вэйе следует разделить на две части. Много недостатков в той, которая затрагивает частное лицо. Нет истории, родного и иностранных языков, греческого — современники Лакруа не видели возможности образования без них. Предпочтение древних примеров современным также не вызывает у него восторга³⁸. Но исследователь усматривает заслугу в борьбе с педантизмом, от которого страдали университеты, в предложении более «радостного» учения. Большой похвалы заслуживает часть, собственно затрагивающая управление государством (Лакруа связывает ее с влиянием Ришелье). Нет в этой книге философа, который открывал бы новые пути образования, нет благоразумного наставника, подходящего условиям жизни и характеру воспитанника; есть преисполненный эрудиции муж, у которого есть удачные и отважные места, но в общем и целом Лакруа считает труд достойным забвения. Мы не считаем это суждение вполне справедливым. Ле Вэйе отталкивается от об-

³⁷ Л. Лакруа отмечает, что в этом пункте Ле Вэйе опередил время: Ардуэн, Боссюэ и Роллен уделяют внимание только воспитанию ума, а не тела. [Lacroix, 1890. P. 15].

³⁸ [Ibid. P. 62]. «Чрезмерная и непереваренная эрудиция утомляет читателя» [Ibid. P. 63].

щепринятой образовательной концепции, подвергая анализу ее элементы на предмет пригодности для воспитания наследника престола. Но результат получается непохожий. Хотя принцип «золотой середины» требует, не давая глубокой учености, помочь наставляемому овладевать начатками знаний во многих областях, из всех свободных искусств королевским автор считает только риторику и выделяет как самостоятельные предметы географию, физику и мораль (два последних в иезуитских коллегиях входили в состав философии). Добавляются и несколько других дисциплин—экономика, политика, история (если не в теории, то на практике). Из этого возникает довольно широкая энциклопедическая программа, которая представляется—для дофина со способностями, близкими к средним,—вполне реалистичной. Искусное применение, хотя бы и в теории, принципа «золотой середины»—большая педагогическая заслуга (пусть бы мы не согласились с конкретным воплощением, всегда плодотворно проследить, как с ним работают на обширном материале). И потому трактат Ле Вэйе может быть и сегодня прочитан с пользой и способен преподать нам ценные уроки.

Источники

- [Le Vayer, 1640]: La Mothe Le Vayer François de. De l'instruction de Monseigneur le Dauphin, a Monseigneur l'éminentissime cardinal duc de Richelieu. A Paris: chez Sébastien Cramoisy, Imprimeur ordinaire du Roy... M. DC. XL. Имя автора указано в одобрении докторов Сорбонны в конце книги.
- [Le Vayer, 1647]: Instruttione de' Principi, Del Signor Della Motta. Trasmportato dal Francese Per Mutio Ziccatta... In Venetia: MDCXLVII. Appresso Paolo Baglioni.
- [Le Vayer, 1662]: De l'instruction de monseigneur le Dauphin // Œuvres de François de La Mothe Le Vayer, conseiller d'Etat ordinaire. T. I. 3e éd., revue, corrigée, et augmentée. A Paris: chez Augustin Courbé..., 1662. P. 3–156.
- [Le Vayer, 1756]: Œuvres de Fr. de La Mothe Le Vayer, conseiller d'Etat, &c. Nouvelle éd., revue & augmentée. T. I. Partie I. Imprimé à Pfœrten, & se trouve à Dresde: chez Michel Grœll. MDCCLVI.
- [Dreux du Radier, 1755]: Dreux du Radier Jean-François. L'Europe illustre, contenant l'histoire abrégée des Souverains, des Princes, des Prélats, des Ministres, des grands Capitaines, des Magistrats, des Savans, des Artistes, & des Dames célèbres en Europe. Depuis le XVe siècle compris, jusqu'à présent. par M. Dreux Du Radier, Avocat. Ouvrage enrichi de portraits. A Paris: Chez Odieuvre, Marchand d'Estampes... Le Breton, Imprimeur ordinaire du Roi... M. DCC. LV.
- [Étienne, 1849]: Étienne, Louis. Essai sur La Mothe-Le Vayer. Rennes: 1849.
- [Georges, 2018]: Bibliographie chronologique des œuvres originales de la Mothe le Vayer. [https://www.academia.edu/38348589/Bibliographie_chronologique_des_œuvres_originales_de_la_Mothe_le_Vayer](https://www.academia.edu/38348589/Bibliographie_chronologique_des_œuvres originales_de_la_Mothe_le_Vayer)
- [Kerviler, 1879]: Kerviler, René Mathurin Marie Pocard du Cosquer de. François de La Mothe Le Vayer, précepteur du duc d'Anjou et de Louis XIV. Étude sur sa vie et sur ses écrits. Par René Kerviler. Paris: Edouard Rouveire, Libraire-Éditeur... 1879.
- [Lacroix, 1890]: Lacroix Lucien-Léon. Quid de instituendo principe senserit Vayerius (thèse), Parisiis: apud Letouzey et Ané, 1890.

10. [Loque, 2011]: Loque Flavio Fontenelle (2011) Bibliografia de La Mothe Le Vayer // Revista Sképsis. Ano IV. No 7. 2011. P. 168–175.
11. [Tisserand, 1922]: Tisserand Ernest. Introduction // François de La Mothe Le Vayer (Orasius Tubero). Deux dialogues faits à l'imitation des anciens. Introduction et notes par Ernest Tisserand... Editions Bossard. Paris, 1922. P. 11–58.

Литература

1. Ржеуцкий В. С., Федюкин И. И., Берелович В. (ред.) (2018) Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века. М.: Новое литературное обозрение.
2. Chartier R., Compère M.-M., Julia D. (1976) *L'Éducation en France du XVIe au XVIIIe siècle*. Paris: Sedes.
3. Compayré G. (1904) *Histoire critique des doctrines de l'éducation en France depuis le seizième siècle*. Paris: Librairie Hachette.
4. Förköli G. (2012) L'honnêteté, «fondement de l'excellent prince»: l'éducation du souverain selon Jean de Silhon // *Maîtres et élèves de la Renaissance aux Lumières*. Paris: Centre d'Étude de la Langue et de la Littérature Françaises des XVIIe et XVIIIe siècles (UMR8599), Université Paris-Sorbonne. P. 40–53.
5. Lacour-Gayet G. (1923) *L'éducation politique de Louis XIV*. Paris: Librairie Hachette. P. 16–66.
6. Salazar P.-J. (1992) Les Géorgiques du Prince: Nature et pédagogie royale selon La Mothe Le Vayer // *Littératures classiques*. No 17. P. 177–184.
7. Volpilhac-Auger C. (1997) La collection Ad usum Delphini: entre érudition et pédagogie // *Histoire de l'éducation*. No 74. P. 203–214.

References

- Chartier R., Compère M.-M., Julia D. (1976) *L'Éducation en France du XVIe au XVIIIe siècle*. Paris: Sedes.
- Compayré G. (1904) *Histoire critique des doctrines de l'éducation en France depuis le seizième siècle*. Paris: Librairie Hachette.
- Förköli G. (2012) L'honnêteté, "fondement de l'excellent prince": l'éducation du souverain selon Jean de Silhon. *Maîtres et élèves de la Renaissance aux Lumières*. Paris: Centre d'Étude de la Langue et de la Littérature Françaises des XVIIe et XVIIIe siècles (UMR8599), Université Paris-Sorbonne. P. 40–53.
- Lacour-Gayet G. (1923) *L'éducation politique de Louis XIV*. Paris: Librairie Hachette. P. 16–66.
- Rzheutskiy V. S., Fedyukin I. I., Berelovich V. (eds) (2018) *Ideal vospitaniya dvoryanstva v Evrope: XVII–XIX veka* [The Ideal of Education of the nobility in Europe of the XVII–XIX Centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Salazar P.-J. (1992) Les Géorgiques du Prince: Nature et pédagogie royale selon La Mothe Le Vayer. *Littératures classiques*, no 17, pp. 177–184.
- Volpilhac-Auger C. (1997) La collection Ad usum Delphini: entre érudition et pédagogie. *Histoire de l'éducation*, no 74, pp. 203–214.